

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 728.83

Н. А. ГАНГУР, Л. А. ЖДАНОВА

**КУБАНСКОЕ ИМЕНИЕ ПЯТИГОРСКОГО КУПЦА З. Ф. ЩЕРБАКА:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЭКСКУРС¹**

В статье на основе неопубликованных архивных, этнографических, печатных и литературных источников реконструируются сюжеты биографической истории таврического крестьянина-землевладельца З.Ф. Щербака, деда известного советского и российского писателя А.И. Солженицына. В исследовательской оптике оказывается одна из крупных и образцовых экономий Лабинского отдела Кубанской области. Авторы рассматривают уникальный усадебный комплекс с парком, садом, оранжереями, беседками, водоемом, созданный владельцем поместья в первой четверти XX века.

Ключевые слова: провинциальная усадьба, экономия, купеческое сословие, архитектура Кубани, садово-парковое искусство, «кирпичный стиль».

UDK 728.83

N. A. GANGUR, L. A. ZHDANOVA

**THE LANDED ESTATE OF PYATIGORSK'S MERCHANT Z. F. STCHERBAK
IN THE KUBAN REGION**

In the article on base of unpublished archives', ethnographical, printed and literary sources the lines of biographical history of Z. F. Stcherbak, who was Tauria's farmer, landed property owner and also grandfather of the well-known Soviet and Russian littérateur A. I. Solzhenitsyn, are recreated. The Kuban landed estate of Zakhar Stcherbak, one of the biggest and excellent landed estates of Labinsk district of Kuban Region, is a central point of the present research. The authors of the article review the unique estate complex with park, garden, greenhouses, summerhouses, water pond, which was developed by the estate owner in the first quarter of the XX century.

Keywords: provincial manor, landed estates, merchant class, Kuban architecture, garden and park art, «brick style».

Последние десятилетия с уверенностью можно назвать временем возрождения русской усадьбы. Обращение к истории усадебной культуры позволяет увидеть целостную картину усадебного быта во всем его многообразии. Однако в процессе изучения провинциальной усадьбы исследователь часто встречается с фактами, которые характеризуют совершенно иную реальность, лишенную привычной, порой помпезной, художественной окраски столичных «дворянских гнезд» и в большей степени сосредоточенную на хозяйственной составляющей усадебных комплексов. Провинция определила предметно-пространственную среду усадьбы, которая обустроивалась главным образом для постоянного проживания семьи владельца, производства дел, приносящих доход и в меньшей степени для увеселений.

Развитие усадьбы на Кубани было связано, прежде всего, с процессами колонизации, особенно активизировавшимися во второй половине XIX века в связи с отменой крепостного права в России, окончанием Кавказской войны (1864), дозволением иногородним селиться и приобретать недвижимость на казачьих землях (1868), открытием движения по Ростово-Владикавказской железной дороге (1875) и другими факторами.

Крупные имения, которые на Кубани чаще называли экономиями, включали не только жилые и служебные постройки, садово-парковую зону, но также производственные и хозяйственные сооружения (депо, кузницы, мельницы, мастерские, амбары, конюшни), дома для рабочих и служащих, конторы и многое другое. В отдельных имениях имелись больницы, училища (школы) и даже культовые здания. В большинстве своем экономии концентрировались в восточной части Кубанской области. Так, общая площадь земли, занимаемая 22 частновладельческими хозяйствами Лабинского отдела, составила в 1920 году 32.390 десятины. «Все они расположены в северо-западной стороне от Армавира. Ближайшая к городу экономия

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-34-01028.

Каплан Нечева в 10 верстах. Из железнодорожных станций Владикавказской магистрали, к которым тяготеют означенные экономии – Отрадо-Кубанская и Кубанская. Все экономии почти в непрерывном посредстве друг с другом. Причем поля одной группы из них примыкают одним концом к р. Кубани, а другим к казачьим юртам станиц Старо-Михайловской и Петропавловской» [1, л. 69].

В юрте села Ново-Кубанского Лабинского отдела по данным 1920 года располагалось около десяти частновладельческих имений (экономии): З.Ф. Щербака, В.Р. Штейнгеля («Хуторок»), А.А. Капанова-Нечева, Л.А. Манташева, П.В. Грамматина, наследников вдовы Щербака (Александры и Анастасии), братьев Шокиных, Я.Ф. Николенко. Среди них самыми крупными были имения барона В.Р. фон Штейнгель (5297 дес.) и ногайского князя, полковника Атажук Адиль Гирея /Адильгиреевича Капанова-Нечева (5500 дес.) [1, л. 69; 2, л. 13–14]. В 1914 году в «записке», адресованной Кубанскому областному правлению, агроном Лабинского отдела из всех частновладельческих хозяйств отметил только семь: «...наиболее благоустроенные и выдающиеся хозяйства в Лабинском отделе частных владельцев, насчитывающие за собой десятки лет, влияние которых сказалось на окружающее население в смысле поднятия экономического благосостояния, можно указать на хозяйства Барона Штейнгеля В.Р. <...> Затем идут хозяйства Николенко... Экономия Захара Федоровича Щербака, адрес: ст. Кубанка Влад. жел. дор.» [3, л. 105].

Если образцовое хозяйство баронов фон Штейнгель привлекало к себе внимание ряда исследователей, то крестьянину З.Ф. Щербаку, деду А.И. Солженицына по материнской линии, в этом отношении повезло меньше. Но Захар Федорович Щербак становится главным «фигурантом» первого узла («Август Четырнадцатого») романа-эпопеи «Красное колесо» и одной из глав («Серебряные орехи») автобиографической поэмы «Дороженька» А.И. Солженицына. Однако по ряду объективных и субъективных причин подлинная биографическая история Щербаков скрыта под литературными «палимпсестами» и экзегезами либо в различных архивохранилищах. Не претендуя на полную реконструкцию его персональной истории, мы на основе выявленных архивных документов несколько приоткроем «флер», окутывающий эту колоритную фигуру. «Картинный этот хохол, с резкими чертами, мохнатыми бровями, крупным носом разляпистым, в маскарадном городском костюме с цепочкою часов на самом видном месте», – так острохарактерно и фотографически точно набрасывает писатель портрет деда (выведен под именем Захар Томчак) в «Красном Колесе» [4, с. 45]. О начале непростого жизненного пути деда Захара А.И. Солженицын скажет не менее емко в другом произведении: «Дед начал жизнь с чебанскою герлыгой /В Тавриде выжженной, среди тысячных отар» [5, с. 45]. Простой чабан из Таврии, имевший за плечами полтора класса церковно-приходской школы, в 1874 в поисках заработка отправился на Куму. Там, в низовьях Мокрого Карамыка, он в течение десяти лет батрачил на хозяина, как и другие пришлые тавричане, и только по истечении этого срока получил «десять овец, телку и поросят». Именно этот поворотный момент и стал тем верстовым столбом, от которого «завертелось» богатство Щербака, нажитое «трудами и боками». Арендуя недорогие земли Прикумья, он мало-помалу обзавелся недвижимостью. Неподалеку от «заштатного города» Св. Крест (ныне Буденновск), Щербак построил саманную хату, где и началась его семейная жизнь с супругой Евдокией Григорьевной (в девичестве Коваль). Вскоре родились дети, и хату сменил первый настоящий дом с большим фруктовым садом. Около 1894 года он вместе с напарником покупает в Петербурге у братьев – графов Михаила и Александра Николаевичей Граббе шесть тысяч десятин земли, из которых З.Ф. Щербаку принадлежала треть [6, с. 29–30].

Однако обращение к архивным документам, дореволюционным изданиям позволило нам сделать более точную «раскадровку» основных биографических вех.

Захар Федорович Щербак (1859–1932?) был родом из крестьян села Ново-Николаевки Терпеньевской волости Мелитопольского уезда Таврической губернии [7, л. 1, 2]. В 1870-е он, вместе с другими тавричанами-овцеводами, устремляется на Северный Кавказ. Арендные и продажные цены на землю в первые годы существования в казачьих областях частного землевладения были весьма низкие: первые не превышали 20–30 коп. за десятину в год «под распашку, сенокосение, пастьбу скота», а вторые колебались между 2 и 20 руб. за

десятину. Наряду с иногородними жителями тавричане-овцеводы были главными скупщиками земель. Располагая громадными стадами овец, они искали крупные владения, каковыми в то время являлись «Высочайше пожалованные разным лицам за службу на Кавказе». Размеры таких участков /дач, отмежевывавшихся в лучших районах области, колебались от 200 до 1500 десятин и выше. Большая часть владельцев этих участков после окончательного «умиротворения» Кавказа покидает его пределы и переходит на службу в столицы и внутренние губернии России, распродавая жалованные земли. Овцеводам открылась широкая возможность, скупив по низкой цене несколько участков, создать крупные хозяйственные экономии [8, с. 14; 9, л. 43–44].

Мы не знаем, насколько длинным и долгим был путь крестьянина З.Ф. Щербака к заветной цели, но в 1896 году его имя уже фигурирует в списке частных владельцев земли (2061 дес. 1530 кв. саж.) в Новогригорьевском уезде Ставропольской губернии [10, с. 59]. Первоначально эти земли были отведены генералу-фельдмаршалу Г.А. Потемкину. Возможно, не располагая денежными средствами, Щербак вначале был арендатором участка, но через несколько лет упорного труда стал его полным собственником и в этом статусе остается вплоть до 1911 года [11, с. 358].

В прошении 1903 года крестьянин З.Ф. Щербак «конкретизирует» место жительства: собственный участок в районе Стародубской волости Прасковеевского (бывший Новогригорьевский) уезда Ставропольской губернии [7, л. 1]. Среди коренных жителей села Стародубского были и выходцы из Таврической губернии [12, с. 458]. В районе этого селения Щербак на обширных земельных владениях возводит «настоящий дом с фруктовым садом», в котором живет с семьей. Предположительно в 1892/1893 эпидемия холеры, ставшая «достопамятным событием» для жителей Ставропольской губернии (свирепствовала и в Новогригорьевском уезде [12, с. 104, 220, 420]), унесла жизни его шестерых детей. В живых остался старший сын, одиннадцатилетний Роман, а в 1894 у Захара и Евдокии Щербаков в Пятигорске, куда, по-видимому, переехала семья, родилась дочь Таисия. В увольнительном свидетельстве, выданном терпеньевским волостным старшиной 31 мая 1903 года крестьянину села Ново-Николаевки Терпеньевской волости 44-летнему Захару Федоровичу Щербаку указаны члены его семьи: жена Евдокия Григорьевна, 43 лет, и двое детей – Роман, родившийся 18 ноября 1881 года, и 9-летняя Таисия [7, л. 2].

В начале 1900-х таврический крестьянин З.Ф. Щербак не только расширяет сферу своей предпринимательской деятельности, но и меняет сословный статус. В 1903 году Пятигорская городская управа выдает ему купеческое свидетельство второй гильдии (№ 162), из которого видно, что Щербак получил «из пятигорской городской управы промысловое свидетельство на торговое предприятие II-го разряда, ценою в 75 рублей» [7, л. 1, 5]. Ко 2-й гильдии принадлежали лица, выбравшие промысловое свидетельство стоимостью не менее 50 руб. (в зависимости от класса местности) и приобретшие дополнительные особые гильдейские свидетельства (для 2-й гильдии – стоимостью 30 руб.) [13]. Затем З.Ф. Щербак подает прошение в Ставропольскую казенную палату, датированное 23 июня 1903 года, в котором «покорнейше просит» причислить его, «с поименованным в увольнительном свидетельстве семейством, в купеческое сословие второй гильдии города Пятигорска, Терской области». Просьба его была в скором времени удовлетворена, и в 1903 году, согласно предписанию Ставропольской казенной палаты (от 21 августа), он был причислен с семейством в число купцов 2-й гильдии города Пятигорска [7, л. 1, 9]. Может показаться странным его настойчивое стремление приписаться к купеческому сословию, принимая во внимание то обстоятельство, что после утверждения 8 июня 1898 года «Положения о Государственном промысловом налоге» не было необходимости получать купеческое свидетельство для занятия предпринимательством. Достаточно было приобрести промысловое свидетельство, посредством которого уплачивался налог в казну. Таким образом, гильдейский сбор из основного промыслового налога превращается в сбор лишь за принадлежность к купеческому сословию [14, с. 12–13]. Щербак преследовал определенные, может быть, и далеко идущие цели, по достижении которых его пребывание в купеческом сословии становилось не только неактуальным, но даже старомодным.

В начале 1900-х Щербак делает еще один неожиданный виток в своей биографии, решив обосноваться на кубанской земле. Б.М. Городецкий приводит любопытный факт: часть кубанского имения гр. Граббе, занимаемого немецкой колонией Фриденталь, «было приобретено землевладельцем г. Щербаком, который не пожелал сдавать колонистам землю вовсе; окопав их плановые места канавой, он отказался принимать от них арендную плату за эти места и предполагал их выселить судебным порядком. Впоследствии г. Щербак от своего намерения, кажется, отказался...» [15, с. 370]. В апреле 1914 года Щербак продает немецким колонистам 50 дес. «удобной и неудобной земли, выручив за нее 15000 руб. [16, л. 5–9].

В этой же купчей крепости приведены данные о недвижимом имении, доставшемся Щербаку по раздельному акту от 3 февраля 1909 года. Это владение, находившееся в Лабинском отделе, на р. Кубани, под названием «участок графа Граббе», имело первоначально «меры» 2592 дес. 1600 кв. саж., в том числе удобной земли 2550 дес. 2210 кв. саж. И снова Щербак приобретает жалованные земли. В Кубанской области они были выделены по левой стороне р. Кубани, преимущественно в лучших по почвенным условиям местах, по долинам рек Зеленчука, Урупа, Лабы, Белой, по среднему и нижнему течению р. Кубани и в бывшем Шапсугском округе [9, л. 43–44]. «Участок генерал-адъютанта графа Граббе» формально был отмежеван в 1870 году землемером Касякиным в количестве 6000 дес. удобной земли (все-го 6071 дес. 790 кв. саж.) в бывшем Урупском округе [16, л. 38]. По раздельному акту (неизвестно имя совладельца) Щербаку досталось более 1/3 этого участка. Примечательно, что «окапывать плановые места» немецких колонистов он начал в 1904, а единоличным собственником земли стал только в 1909 году. Приобретенное имение граничило с владением барона В.Р. Штейнгеля, участком Н. Емельяненко [16, л. 7].

В списке землевладельцев Кубанской области за 1909–1911 годы земельное владение З.Ф. Щербака указано в тех же размерах – 2600 дес. удобной земли в юрте сел. Кубанского [17, с. 193]. Но после раздельного акта он проводит ряд операций с недвижимостью. В октябре 1909-го по купчей крепости из его имения было «отчуждено» (продано) 600 дес. земли, а в мае 1911-го по дарственной записи – 214 дес. сыну Роману [16, л. 7]. В документах более позднего времени (1920) количество земли в кубанском имении колеблется от 2000 до чуть более 1700 дес. [1, л. 69; 2, л. 13; 18, л. 2]. Эти цифры совпадают с данными агронома И. Власова, отметившего на плане частновладельческих имений Лабинского отдела участка З.Ф. Щербака (1722 дес.) и Романа Щербака (217 дес.) [1, л. 21].

В 1910–1911 годы Щербак продает свое поместье в Стародубской волости, и в последующие годы его имя уже не фигурирует в списках землевладельцев Ставропольской губернии [19]. В период между 1905 и 1914 годами Щербак выбывает из купеческого общества, прекратив платить гильдейские сборы. Ввиду «подвижности» сословной структуры русского общества на рубеже XIX–XX веков, происходившей под влиянием объективных социальных процессов, существенной грани между «близкими купечеству» сословиями не наблюдалось. По этому поводу внук купца 1-й гильдии П.М. Вишнякова заметил: «Платя гильдию, мещанин становился купцом, и наоборот, переставая платить, он возвращался в мещанство. В таком положении были и государственные крестьяне...» [20, с. 123]. В купчей крепости (1914) он фигурирует как бывший пятигорский второй гильдии купец, ныне пятигорский мещанин Захар Федорович Щербак, «живущий при станции Кубанской, Влад. ж. д. в своем имении» [16, л. 10].

Приобретая землю, З.Ф. Щербак приступает к обустройству своего нового поместья: центральной усадьбы с барским домом, садово-парковой зоной, производственными и жилыми постройками. Мы не можем назвать точную, документально подтвержденную дату начала и окончания строительства усадьбы, как и подтвердить и опровергнуть тот факт, что из Австрии был приглашен архитектор, вместе с которым Щербак планировал будущий особняк [6, с. 30]. По сведениям Л. Сараскиной, к 1908 году были завершены все постройки, а в 1914 «усадьба стояла вся целиком», с парком, садом, прудом, оранжереями. По нашему мнению, активный период строительства усадьбы приходится на 1909, когда Щербак становится единоличным собственником земли и переносит свое «родовое гнездо» из Ставрополя на кубанскую землю.

В документах 1920 года мы находим лаконичные описания имения Щербака и «статистические» данные о постройках. «Площадь, бывшая в пользовании прежнего владельца, достигала 2000 десятин. Из них под усадьбой со всеми службами на ней было до 8 десятин. Экономия обнесена кирпичной стеной. Все постройки в экономии возведены также из кирпича. Имеется дом 2-этажный, бывший владельческий, отдельные помещения для служащих, контора, службы различного назначения. Все в достаточно удовлетворительном состоянии. В усадьбе парк и сад. За последними наблюдает и производит соответствующие работы садовник, служивший и прежде при владельце. <...> В имении находится мельница вальцовая со штатом служащих. Имеется небольшой запас нефти, и ею производят помол для окрестного населения. Работает двигатель – дизель, 50 сил, имеет 2 станка, суточная производительность до 2500 пудов. При мельнице соответствующие складские помещения» [2, л. 63].

В экономии находились следующие постройки: 3 дома, 3 амбара, 2 конюшни, контора, флигель, 2 сарая, 2 птичника, кухня, баня, дом садовника, амбар для кукурузы, кладовая, водокачка [2, л. 13]. Неудивительно, что в 1910-е его хозяйство оказалось в числе передовых. Перечень одних только сельскохозяйственных орудий и машин иностранного производства служит подтверждением тому: немецкие и английские веялки-сортировки Рёбер (Gebr. Rober) и Клайтона (Clayton&Shuttle-Worth), 2-лемешные плуги Сакка, локомобиль английской фирмы Ruston&Proctor и многое другое.

Имение Щербака располагалась неподалеку от железнодорожной станции Кубанская. «Со стороны железной дороги насадили тополя, бальзамических и пирамидальных, аллеями шириной на две встречных тройки. Бальзамические тополя после солнечных дней благоухали к вечеру...» [4, с. 34]. Щербак возводит на территории имения большой усадебный дом со службами, обширным парком, в котором были оранжереи, огород, фруктовый сад, беседки, цветники и другие «купеческие затеи». Усадьба занимала 5 дес., а сад – 6 десятин земли [2, л. 13]. Здесь мы не найдем привычного разделения сада («собственный садик») как «продолжения жилища» и раскинувшейся вокруг местности с парком свободной планировки, олицетворяющей «идеальную природу» [21, с. 245]. С веранды второго этажа дома (задний фасад) открывался прекрасный вид на парк с аллеями – сиреневой, каштановой, ореховой, освещаемыми в вечернее время дуговыми фонарями, лужайками, беседками и водоемом. В начале парка, возле дома, были высажены «гималайские ели», привезенные из великокняжеского крымского сада уже большими, «с комами земли в корзинах». Недалеко от дома устроили пруд – «с цементным ложем, купальней и сменяемой водопроводной водой» (причем секрет водопровода не раскрыт до сих пор) [6, с. 30]. Во многих экономиях имелась подземная система водопровода, и качание воды производилось паровым или иным двигателем [1, л. 71]. Поодаль из вынутой земли насыпали холм, на котором поставили деревянную, полигональной формы (октагон) беседку – бельведер. Высокие полуциркульные окна с мелкой «расстекловкой» занимали почти всю поверхность стен. Эта многогранная в плане беседка (такие сооружения называют верандой) является парафразой темы ротонды в архитектуре. Венчающий небольшой полигон со шпилем повторяет форму и декор (пропильная «бахрома») основного объема (принцип миниатюризации). Вокруг веранды засеяли мавританский газон. Беседка не сохранилась до настоящего времени, и о ее внешнем облике мы можем судить только по старым фотографиям [22, с. 90].

Непременную принадлежность многих парков составляли оранжереи. В архивных документах они не упоминаются, но, судя по литературным источникам, в усадьбе их было две: одна маленькая, для ранних весенних цветов, вторая большая, где зимовали олеандры, пальмы, юкки, араукарии и другие растения. «Так составлялось то, что есть парк, отличающийся старинные усадьбы, и чего не бывает в экономиях: самостоятельность пейзажа, отъединенность от окружающей местности, непохожесть на нее» [4, с. 34]. За парком разбили сад смешанного типа, в нем преобладали фруктовые деревья (зимние сорта), в меньшей степени плодово-ягодные и кустарники [1, л. 70]. Примерно две сотни фруктовых деревьев привезли из ставропольского имения.

Полукруглый парадный двор перед главным, северо-восточным, фасадом усадебного дома был отделен от подъездной дороги высокой оградой с воротами и вымощен клинкер-

ным кирпичом. Полукруглую площадку перед домом когда-то покрывал «изумрудный английский рейграсс». Сейчас плотный зеленый массив разросшихся кустарников и деревьев закрывает парадный вход дома, акцентированный мощным, сильно вынесенным вперед ажурным кованым навесом, поддерживаемым двумя волутообразными кронштейнами и тонкими литыми колонками с коринфскими капителями. Въездные ворота не сохранились, от них остались только «следы» в виде металлических полукруглых рельсов. Прясла изящной кованой ограды закреплены между кирпичными столбами и подняты на высокий цоколь. Ограда представляет собой образец переходного периода – это еще не модерн, но уже и не эклектика. В звене-экране «противоборствуют» прямые вертикальные стержни и кривые линии-ленты, вкуче с объемными листьями. Въездные ворота парадного двора с высокой оградой выполняли в основном репрезентативную функцию. С юго- и северо-восточной стороны усадьбы и частью экономии тянулась низкая чугунная ограда (на кирпичном цоколе) с двумя типами звеньев – длинными и короткими и фланкирующими их фигурными столбиками-балабинами. Широкий пояс решетки равномерно заполняет орнамент из переплетенных колец. Круговой ритм движения подчеркивает узкий нижний пояс, где развивается тема пластического движения – прямолинейного (зигзаг) и криволинейного (волна). Выработанный в период классицизма тип решетки из переплетающихся колец широко использовался в монументально-декоративном искусстве Москвы первой половины XIX века [23, с. 52–57], сохранившись в ограждениях провинциальной усадьбы начала XX века. Фрагменты этой ограды и сейчас можно увидеть на улицах г. Новокубанска, как и старые постройки некогда обширной экономии Щербака.

Двухэтажный «владельческий» дом представляет собой типичный образец «кирпичного стиля», характерного для поздней эклектики. Архитектурную декорацию фасадов составляют элементы, почерпнутые из различных стилей: наличники с профилированными и раскрепованными карнизами, горизонтальные тяги, замковые камни (имитация), лопатки на два этажа (парафраза темы «большого ордера»), ширинки, дентикулы и др. Весь этот избыточный кирпичный декор, покрывающий плоскости стен, сообщает фасадам дробность и пестроту. Несколько разнообразят и оживляют кирпичную декорацию застекленные деревянные веранды заднего и бокового, северо-западного, фасадов, «поддерживаемые» деревянной резной обшивкой на других фасадах. В «Августе четырнадцатого» эти архитектурные мотивы становятся своеобразными метками, знаками: «женская фигурка в белом, – в беспечном белом, нетрудовом» на угловом резном балконе; балкон-веранда, с которого героине открывается вид на поезд, «самый живой» [4, с. 28]. На веранде обедает и думает сын главного «фигуранта» первого узла романа. «Тут, на остекленной веранде второго этажа, при спальне, стояла и любимая кушетка, отобранная из жениного гарнитура: с плавногнутым подъемом изголовья...» [4, с. 50]. С другой веранды, также расположенной на уровне второго этажа, над деревянной пристройкой бокового фасада, открывался вид на пригорок, на широкую дорогу, ведущую к погребам и другим строениям экономии.

Усадьба Захара Щербака после национализации пережила трудные времена, удручающим образом отразившиеся на ее постройках, садово-парковой зоне, малых архитектурных формах. В 1981 году решением крайисполкома № 540 от 26.08.1981 дом был включен в список памятников архитектуры регионального (краевого) значения как «Дом помещика Щербакова». В 2004 году, при непосредственном участии губернатора Краснодарского края А.Н. Ткачева, было принято решение о передаче дома Щербака Свято-Покровскому храму г. Новокубанска.

Итак, таврический крестьянин-овцевод, прошедший путь от арендатора до крупного землевладельца, дважды переходивший из одного сословия в другое (купец /мещанин), обосновывается в Ставропольской губернии, но позднее приписывается в купеческое общество г. Пятигорска Терской области. Расширяя сферу своей предпринимательской деятельности, он приобретает «жалованные» земли в Лабинском отделе Кубанской области не только для постоянного проживания, но и с коммерческими целями. На приобретенных землях он создает образцовое модернизированное хозяйство (экономия) и уникальный усадебный комплекс, отразивший как старые, сословные («купеческие затеи»), так и новые тенденции в развитии архитектурно-парковой культуры первой четверти XX века.

Источники и литература:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 437.
2. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 442.
3. ГАКК. Ф. 449. Оп. 6. Д. 5а.
4. *Солженицын А.И.* Собр. соч. в 30 т. Т. 7. Красное колесо. М., 2006.
5. *Солженицын А.И.* Дороженька. М., 2004.
6. *Сараскина Л.И.* Солженицын. М. 2009.
7. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 459. Оп. 1. Д. 3521.
8. Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар, 1873.
9. ГАКК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 75.
10. Алфавитный список владельцев частных земель. Ставрополь, 1896.
11. Вся Донская область и Северный Кавказ на 1904 год. Ростов н/Д, 1904.
12. *Твалчрелидзе А.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношении. Ставрополь, 1897.
13. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVIII. № 15601.
14. *Боханов А.Н.* Деловая элита России 1914 г. М., 1994.
15. *Городецкий Б.М.* Немецкое землевладение на Кубани. Т. XX // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1915.
16. ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 411.
17. Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии за 1909 – 1911 гг. Екатеринодар, 1911.
18. ГАКК. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 158.
19. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1912 год. Ставрополь, 1911.
20. Цит. по: *Савинова Е.Н.* Социальный феномен «купеческой усадьбы» // Русская усадьба: Сб. общества изучения русской усадьбы. Вып. 9. М., 2003.
21. Классицизм и романтизм. Архитектура. Скульптура. Живопись. Рисунок. 1750 – 1848 /под ред. Р. Томана; пер. с нем. Көнemann, 2001.
22. *Соловьев А.В.* Новокубанск. Историко-краеведческий альбом. 1867–1997 /А.В. Соловьев, А.М. Паластров, А.М. Яковенко. Курганинск, 1999.
23. *Ледзинский В.С.* Мир художественного металла Москвы XVII–XX веков /В.С. Ледзинский, А.А. Теличко. М., 2001.

Referenses:

1. National archives of Krasnodar region (hereafter GAKK), Fond No.R-60, Record statement No.1, File No.437.
2. GAKK, Fond No.R-60, Record statement No.1, File No.442.
3. GAKK, Fond No.449, Record statement No.6, File No.5a.
4. *Solzhenitsyn A.I.* Collected works issued in 30 volumes. Volume 7. The Red wheel. M., 2006.
5. *Saraskina L.I.* Solzhenitsin. M., 2009.
6. *Solzhenitsyn A.I.* «Dorozhen'ka (The Road)». M., 2004;
7. National archives of Stavropol region. Fond No.459, Record statement No.1, File No.3521.
8. Tickler of Kuban Region for 1874. Yekaterinodar, 1873.
9. GAKK, Fond No.R-13, Record statement No.1, File No.75.
10. Alphabetical list of owners of privately held lands. Stavropol, 1896.
11. All Don Region and North Caucasus in 1904. Rostov-on-Don, 1904.
12. *Tvalchrelidze A.* Stavropol Region: Statistical, geographical, historical and agricultural information. Stavropol, 1897.
13. The full compilation of statutes of the Russian Empire. Volume XVIII. No. 15601.
14. *Bokhanov A.N.* Business leaders of Russia in 1914. M., 1994.
15. *Gorodetskiy B.M.* German landed property in Kuban Region. Volume XX // Kuban composite book. Yekaterinodar, 1915.
16. GAKK, Fond No.449, Record statement No.9, File No.411.
17. List of landed property owners in Kuban Region and Black-Sea province for 1909-1911. Yekaterinodar, 1911.
18. GAKK, Fond No. R-59, Record statement No.1, File No.158.
19. Tickler of Stavropol Region for 1912. Stavropol, 1911.
20. cit.ex: Savinova E.N. Social phenomenon of “merchant’s manor” // Russian manor. Album of Association for studying of Russian manor. Issue 9. M., 2003.
21. Classicism and romanticism. Architecture. Plastic arts. Pictorial art. Draft. 1750-1848 / Under the editorship of R. Tomann: translation from German of Kөнemann, 2001.
22. *Soloviev A.V.* Novokubansk. Local-history album. 1867-1997 / A.V. Soloviev, A.M. Palastrov, A.M. Yakovenko. Kurganinsk, 1999.
23. *Ledzinskiy V.S.* The world of metal art of Moscow in XVII-XX centuries / V.S. Ledzinskiy, A.A. Telichko. M., 2001.